

Закончив поминальный обряд, Чэн Шинань поднял своего маленького мужа на ноги и улыбнулся: — Почему у тебя опять глаза на мокром месте?

— Дымом напекло! — пробурчал Вэй Цю, утыкаясь лицом в грудь Шинаня, чтобы вытереть слезы о его одежду.

Шинань нежно посмотрел на макушку в своих объятиях.

Понимая, что Вэй Цю неловко, он перевел тему: — Ох, Цю-цю, я проголодался...

Вэй Цю тут же вскинул голову: — Я тоже! Давай сейчас же накрывать на стол.

— Идет!

— Сегодня приготовлю тебе «львиные головы»!

— Львиные головы? — любопытствовал Шинань. — Это еще что?

— М-м... это такие огромные мясные шары, невероятно вкусные!

Этот канун Нового года они провели вдвоем у печки, готовя еду. Праздник прошел тихо и просто, как и любой другой их день, но для Шинаня и Вэй Цю он стал самым теплым и счастливым в жизни...

Первое утро нового года встретило их густым снегопадом. Вэй Цю валялся в постели, уплетая горячие таньюань (рисовые шарики), и его светлое личико так и светилось от удовольствия. Из-за легкой заложенности носа Шинань переполошился, как перед большой битвой: стоило Вэй Цю разок выйти прогуляться, как его тут же водворили обратно на теплый кан.

Вэй Цю хихикнул и переложил два оставшихся шарика в миску мужа: — Обьелся, больше не лезет...

Шинань бросил на него короткий взгляд и молча, в один присест, доел угощение.

Вэй Цю подполз к окну, разглядывая падающий снег: — Хорошо, что нам в этом месяце не надо ходить по гостям. Похоже, мести будет весь день.

— А ну иди сюда, укройся как следует, не ровен час простудишься! — Шинань с тревогой посмотрел на босые пятки мужа.

Вэй Цю не любил носить носки на кане — ему нравилось чувствовать пальцами живое тепло печи.

Вэй Цю послушно заполз под одеяло: — А где мои носки?

Видя, как тот так и норовит выскользнуть во двор, Шинань отрезал: — Носки в стирке. Сегодня сиди дома.

— Обманщик! Я же только утром их надевал! — Вэй Цю принялся шарить глазами по углам, но Шинань лишь усмехнулся и вышел с пустой миской, не удостоив его ответом...

Вэй Цю сморщил нос. «Совсем затиранил, деспот несчастный!» — подумал он, но через минуту, соскучившись, снова начал командовать:

— Ши-гэ, хочу танхулу!

Шинань с улыбкой заглянул в комнату: — Танхулу нет, забыл купить боярышник. Выбирай что-нибудь другое.

Вэй Цю хлопнул себя по лбу: — Точно... боярышника-то нет...

— Будешь мандарины? — Шинань принес два плода, которые пару дней назад привезли из столицы провинции на ярмарку.

За восемь штук Шинань отдал сорок вэней — цена двух цзиней мяса! Когда он их покупал, у стоявшего рядом Цянь Бао аж лицо перекосило от такой расточительности. Но, увидев, что Шинань берет, Бао тоже скрепя сердце купил шесть штук — в этом году с деньгами было полегче, захотелось побаловать родных на праздник.

Шинань очистил мандарин и дал Вэй Цю попробовать. Было чуть-чуть кисленько, но после долгой зимы без фруктов сочная мякоть казалась божественной. Они быстро разделили и съели оба плода. Вэй Цю погладил живот, явно желая добавки.

— Больше нельзя, — строго осадил его Шинань. — Желудок застудишь.

— Ну ладно... — Вэй Цю разочарованно растянулся на кане, как блин на сковородке.

Шинань заставил его сесть: мол, сначала посиди немного, потом ложись.

Разморенный едой и теплом, Вэй Цю, как медуза, сполз на плечо мужа и зевнул: — Стоит плотно поесть, и сразу в сон клонит...

Вскоре он уже крепко спал, привалившись к Шинаню. Снаружи бушевала метель, а внутри жарко топилась печь, наполняя комнату уютом. Под мерное потрескивание дров они оба погрузились в сладкий дневной сон.

Снегопад прекратился только к шестому числу. Как только снег улегся, деревенские потянулись друг к другу с поздравлениями. Начались бесконечные званные обеды, и в маленьком дворике Шинаня и Вэй Цю тоже стало шумно. Деревенская детвора, пронюхав, как вкусно готовит Вэй Цю, ждала праздников как манны небесной.

За эти дни Вэй Цю наготовил кучу закусок: хрустящий жареный «хворост» (мае), саныцзы (плетеную лапшу во фритюре) и нежные, сладкие тыквенные лепешки.

Ребятишек набежало немало: старшие вели младших, спотыкаясь в сугробах. Все они, с румяными от мороза щеками, хором поздравляли Вэй Цю с Новым годом.

Вэй Цю так умилился, что едва сдержался, чтобы не зацеловать их всех. Он зазывал малышня в дом погреться у огня и выносил полные подносы с лакомствами. Дети вели себя на редкость вежливо, послушно выстраиваясь в очередь. Попробовав сладкие тыквенные лепешки, они округляли глаза от восторга — такой вкусотищи они еще не едали!

Наевшись, они смущенно благодарили «Цю-цзю», а тот, сияя от радости, насыпал им полные карманы гостинцев с собой.

— Идите осторожно, не нахватаетесь холодного воздуха! — напутствовал он их вслед.

Стоило сорванцам вернуться домой, как от их застенчивости не оставалось и следа. Они

наперебой трещали взрослым о том, какие невообразимые вкусности готовит Вэй Цю, и хвастались заначками, а родители лишь диву давались, глядя на своих довольных чад.

Праздничная кутерьма длилась до пятнадцатого числа. После праздника Юаньсяо время полетело еще быстрее... И вот наступила середина второго месяца. Лютая зима отступила, природа начала пробуждаться — весна была на пороге.

«Год кормится весной» — гласит пословица. Шинань и Вэй Цю начали присматривать участок для распашки.

Земля у них теперь была: после праздников заходил староста и сообщил, что семья Чэн в спешке распродает наделы. Те самые три му плодородной земли прямо перед их дверью выставили на продажу. Раньше за ними ухаживал сам старик Чэн, земля там была жирная и давала отличные урожаи.

Перед Новым годом Чэны выгребли всё до копейки, чтобы закрыть долг Гуанцзуна, а теперь, видно, снова прижало. Староста, зная, что этот участок примыкает к дому Шинаня, пришел предложить его им.

Посоветовавшись, супруги решили выложить сорок лянов и выкупили три му земли высшего сорта. Теперь им было где растить хлеб, и за пропитание в будущем можно было не беспокоиться.

Вэй Цю был вне себя от счастья. В тот же день, как только в управе оформили документы, он, не дожидаясь, пока стает последний снег, рванул в поле — «проверить владения».

Но не тут-то было! Шинань подхватил его на плечо и уволок домой, строго-настрого запретив соваться на пашню без его дозволения. Он столько сил вложил в то, чтобы Вэй Цю округлился и побелел, что ни за какие коврижки не пустил бы его в поле гнуть спину.

Видя непреклонность мужа, Вэй Цю пришлось смириться. От избытка чувств он лишь впился зубками в шею Шинаня, выпуская пар. Для того эти укусы были что комариный писк — не больно, а раз любимому так легче, пусть тешится.

Вскоре Шинань начал потихоньку расчищать целину на другом берегу ручья, у самого подножия горы. Вэй Цю порывался помочь — камни там пособирать или еще что, но Шинань всякий раз прогонял его домой.

Вэй Цю бурно протестовал: «Я тоже мужчина, что такого в работе на земле? Ты меня так совсем в неженку превратишь!»

Но против упрямства и властности Шинаня протесты не работали. Вэй Цю оставалось только вернуться к изначальному плану — стать «соленой рыбой» (бездельником) и просто лежать. Поскучав пару дней дома...

Вэй Цю взял мотыгу, закопал ловушки, которые Шинань когда-то вырыл за домом, и выпустил кур из сарая на волю. С потеплением он начал задумываться: не купить ли уток? А может, и гусей?

Вэй Цю вспомнил, как в детстве жил с бабушкой, и у их соседки-одиночки было стадо гусей — страшно злющих тварей. Каждый раз, возвращаясь из школы, он дрожал от страха: только бы гуси были на реке, а не у калитки! Если они видели прохожего, то гнали бедного Вэй Цю добрых пару верст...

Тогда те гуси довели его до психологической травмы — он только и мечтал, как бы их зарезать и съесть. Но всё изменилось в один вечер, когда к той старушке залез вор. Стоило ему перемахнуть через забор, как гуси подняли такой хай! В итоге вор, преследуемый разъяренными птицами, вопил на всю деревню, умоляя о спасении. Когда его вытащили из гусиных лап, на нем живого места не осталось!

С тех пор Вэй Цю проникся глубоким уважением к боевой мощи гусей. «Черт возьми! Да это же самая лучшая охрана для дома! Круче любой собаки!»

<http://bllate.org/book/17091/1600490>